

ЛИНГВИСТИКА

Лингвистика и образование. 2022. Том 2 № 1 (5). С. 5-18

Linguistics & education 2022 Vol. 2, no. 1. P. 5-18

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-1-5-18>

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА *ВЕТЕРИНАРА / КОНОВАЛА* В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА

Екатерина Алексеевна Абросимова

ФГБОУ ВО Омский ГАУ им. П.А. Столыпина, Омск, Россия

abrosimova@inbox.ru

Аннотация. Целью работы является выявление когнитивных оснований для исследования дискурсивной личности ветеринара. Работа выполнена на материале русской поэзии и прозы XVIII-XXI веков. Контексты для анализа были выделены при помощи Национального корпуса русского языка и ресурса Kartaslov.ru. В ходе исследования описаны когнитивные признаки, характеризующие зафиксированный в художественной литературе типаж человека, лечащего животных. Делаются выводы о противоречивости этого типажа, о преобладании оценочных компонентов с негативной окраской при его характеристике, о слиянии понятий «коновал» и «ветеринар» в русской художественной литературе.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная личность, ветеринар, когнитивное исследование

Для цитирования: Абросимова Е.А. Концептуализация образа *ветеринара / коновала* в русской художественной литературе как этап исследования дискурсивной личности ветеринарного врача // Лингвистика и образование. 2022. Том 2 № 1(5) С. 5-18. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-1-5-18>

Original article

CONCEPTUALIZATION OF VETERINARIAN / KONOVAL'S CHARACTER IN RUSSIAN FICTION AS A STAGE OF RESEARCH OF THE DISCURSIVE PERSONALITY OF VETERINARIAN

Ekaterina A. Abrosimova

FSBEI HE Omsk SAU, Omsk, Russia

abrosimova@inbox.ru

Abstract. The aim of the article is to reveal cognitive bases for studying the discursive personality of a veterinarian. The work was done on a material of the Russian National Corpus from 18th-21st centuries. The context for the analysis were selected using the Russian National Corpus and internet-resource Kartaslov.ru. Cognitive features of fiction characterizing the model of personality that takes care of animals were described. The results revealed inconsistency of this model with predominance of negative connotation and integration of the concepts of konoval and veterinarian in the Russian literature.

Keywords: discourse, discursive personality veterinarian cognitive research

For citation: Abrosimova E.A. Conceptualization of veterinarian / konoval's character in Russian fiction as a stage of research of the discursive personality of veterinarian, Linguistics & education 2022; 2 (1):5-18. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-1-5-18>

Введение

Представление о дискурсе как о форме и способе накопления, хранения, передачи знаний является отправной точкой для научного осмысления разнообразных культурных феноменов и отражает актуальный в лингвистике антропный принцип [12]. Когнитивное направление в изучении дискурса, заложенное в работах М. Фуко [16], Т. Ван Дейка и У. Кинча, [18; 19], дало исследователям возможность «перешагнуть через “данные в ощущении” всегда конечные формы вербальной деятельности – будь то устный разговор, текст, произведение одного или многих авторов, относящиеся к тому же к разным историческим эпохам, ... представить их вместе и посмотреть на те общности, которые в этом динамическом, постоянно изменяющемся пространстве реально выделяются» [12, с. 66]. В рамках дискурсивного подхода реализуется «понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства» [17, с. 22-23], что открывает «новые возможности для конструктивного наполнения понятия языковой личности» [13, с.42-43], для анализа «когнитивно-дискурсивной деятельности базовых субъектов дискурсов институционального типа» [9, с.140]. Дискурсивная личность, представляющая собой «конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия» [13, с. 44], имеет тесную связь с лингвокультурными типажамми – узнаваемыми образами «представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [5, с. 8]: «Изучение лингвокультурных типажей как функционально обусловленных типов языковой личности способствует выработке категориального аппарата, необходимого для описания дискурсивной личности» [13, с.43].

Активное развитие ветеринарного дискурса приводит к появлению разнообразных представлений об основном субъекте этой коммуникативной сферы, часть из которых теряет актуальность с течением времени, однако

сохраняется в культурной памяти – в том числе с помощью художественной литературы. По сути, единственной русскоязычной научной работой, посвященной художественному образу ветеринара, является статья О.Н. Новиковой, выполненная на материале русских и зарубежных произведений: 1) воспоминаний ветеринаров (Дж. Хэрриота, Дж. Мак Кормака и др.), 2) текстов, в которых представители этой профессии упоминаются, 3) произведений, главным действующим лицом в которых является ветеринар. В статье сделаны интересные выводы о том, что в произведениях первой группы характеризуется общественная ситуация, поднимаются экологические и этические проблемы; в текстах второй группы ветеринар «предстает перед читателем как носитель жестокости, грубости, алкоголизма, зачастую и профессиональной некомпетентности»; однако в отдельных произведениях образ наделен позитивными чертами и качествами, внушающими уважение: тяжелая повседневная работа, «непомерная ответственность за волшебный мир, которому угрожает катастрофа», ветеринарный врач становится «частью торжествующего мира, любви, жизни» [10, с. 97-98]. Третья группа рассматриваемых в статье произведений объединена двумя образами: Дулиттл Х. Лофтинга и Айболит К. Чуковского. В работе объединены тексты русской и зарубежной литературы, что позволяет исследователю создать представление об обобщенном образе ветеринарного врача. Наша статья, в которой, безусловно, учитываются выводы О.Н. Новиковой, представляет собой один из возможных этапов описания дискурсивной личности ветеринарного врача: цель работы заключается в выявлении когнитивных признаков и их языковых реализаций при рассмотрении лингвокультурного типажа человека данного рода занятий в произведениях русской художественной литературы.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэтические и прозаические тексты русскоязычных авторов XVIII-XXI веков, причем из исследования были исключены произведения детской литературы, так как, на наш взгляд, типаж ветеринарного врача, воссоздаваемый детскими писателями и поэтами, ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2022. Том 2 №1(5)

специфичен и требуют отдельного рассмотрения. Стихотворные тексты отобраны в результате поиска в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [8], прозаические – при помощи раздела «Поиск по произведениям русской классики» сайта Kartaslov.ru [6]. Обращение к данным ресурсам связано с тем, что произведения, зафиксированные в них, соотносятся с понятием русской литературной традиции. Так, эти тексты входят в академические собрания и антологии, кроме того, критерием попадания стихотворения в поэтический подкорпус становится «наличие исследовательской литературы, а для поэтов последних пятидесяти лет – литературы критической» [7, с. 116]. Поисковыми запросами стали слова *ветеринар, ветеринарный врач, коновал*, образующие синонимический ряд [1;15]. В конце статьи приведен полный список анализируемых художественных текстов («Список анализируемых произведений»).

В методологическом плане статья выполнена с опорой на когнитивно-дискурсивный подход.

Результаты исследования и дискуссия

Согласно данным словарей, *ветеринар*: от латинского прилагательного *veterinarius* (предназначенный для скота), восходящего к слову *veterina* (рабочий скот) – это «специалист по ветеринарии» [2; 11; 14]; «изучающий ветеринарию» (разг.) [14, с.170]. Ветеринария, в свою очередь, определяется как «наука, изучающая болезни домашнего скота и способы их лечения; практика лечения домашнего скота, профессия ветеринара» [14, с.170]; «наука о болезнях животных, их лечении и предупреждении, а также о методах защиты людей от инфекционных болезней животных» [11, с.77]; «Лечение и предупреждение болезней животных» [2, с. 122]. *Коновал* же – «1. Знахарь, лечащий лошадей (обл.). 2. О плохом, невежественном враче (разг.пренебр.)» [14, с. 758]. В словаре В. Даля значения слов *коновал* и *ветеринар* различаются по признаку «профессионализм, ученость»: ветеринария определяется как «скотоврачебная наука, зверелечебное знание, животоврачебное искусство» [4, с.188]. Ветеринар – «лекарь для скота; скотоврач; неученый: коновал, рудомет»

[4, с.188]. В публикациях исторического характера отмечается, что *коновалами* называли ветеринаров-ремесленников, как правило, малограмотных и передававших знания по наследству [3]. Таким образом, в значении слова *ветеринар* объективно выделяются такие элементы, как «специалист»; «владеющий методами защиты людей от инфекционных заболеваний»; «занимающийся наукой и практикой лечения и предупреждения болезней домашнего скота и животных вообще». *Коновал* же представлен как «лекарь», «знахарь», «ремесленник», «малограмотный», «лечащий лошадей», а также «плохой, невежественный врач».

Анализ текстов русской художественной литературы позволил выделить следующие когнитивные признаки, характеризующие *ветеринара* и/или *коновала*.

Равнодушный. Ветеринар предстает в таких ролях, как ученый, бесстрастный экспериментатор: «так примерно глядящий, как ветеринар на микроба» (Чухонцев); «под стон подопытных коров в ветеринарном грязном храме» (Евтушенко 1); чиновник, регистратор: «и ветеринар с ежедневным журналом (вечные эти контроли!)», «ветеринарный чиновник» (Кривулин). Равнодушный врач, осматривающий или лечащий людей, также сравнивается с ветеринаром: «И производил он свои манипуляции с таким же спокойствием, с каким гуртовщик или ветеринар осматривают в день несколько сотен голов скота, с тем хладнокровием, какое не изменило ему дважды во время обязательного присутствия при смертной казни» (Куприн 1). Вместе с тем *коновал* описывается как человек, близкий к природе, понимающий лошадей: «Зиму и лето спал он в конюшне, в порожнем станке; никто лучше его не умел обращаться с лошадьми, был он и конюх и коновал: вёснами в майском цветении рвал травы, выкапывал в степи, в суходолах и мокрых балках целебные корни» (Шолохов).

Убивающий или являющийся свидетелем смерти животного. С одной стороны, ветеринар изображается как исполнитель действий, приводящих к смерти: «Пустившиеся на поиски поселяне вскоре вернулись и привезли штабс-

капитана Савурского, пойманного в 3-й роте майора Султанова и ветеринара, на которого они имели подозрение, будто он морит скот» (Гейнце). Ветеринар получает такие определения, как безумный, вампир: «И током бьёт ветеринар-вампир» (Охупкин); «и съест меня безумный коновал/ и две его смешливые подруги» (Миронов). С другой стороны, ветеринар выступает как избавитель от страданий, спасающий животных от мучений: «Во фразах не витиеват, / сосредоточенно рассеян, / наполнил шприц ветеринар / его убийственным спасеньем» (Евтушенко 1). Ветеринар как субъект, несущий смерть, наделяется в русской литературе также чертами мудреца-ведуна, познавшего истину, проводника между миром живых и мёртвых: «О чём же ты думаешь, ветеринар? / На этих животных должно тебе / Теперь возложить ладони свои / Благословляя покой, и бег, / И смерть, и мучительный вой любви» (Багрицкий). В стихотворении Н. Клюева «ведун-коновал» становится своеобразным образом смерти, возникающим, по представлению лирического героя, у животных: «Плачется кот и понура корова, / Смерть постигая звериным умом: / Кто она? Колокол в сумерках пегих, / Дух живодёрни, ведун-коновал» (Клюев). В тексте В. Кривулина ветеринар сопровождает конвейерную процедуру убоя скота и вспоминает о критской тавромахии, при этом в значении слова «бойня» актуализируются семантические компоненты борьба с быком, культ, античность: «вслед за быком крутолобым / с отметиной между рогами/ поставленные вертикально/ очертания Крита <...> да и сам писал он [ветеринар]/ о тавромахии что-то / из античного быта» (Кривулин).

В ряде произведений *ветеринар / коновал* предстает как мучитель, причиняющий боль и продлевающий страдания. Атрибутами такого персонажа становятся различные орудия пыток (кнут, прут, плети, калёное железо): «Когда у них уже нет сил, ветеринары/ Дают им снадобья, железом жгут калёным». (Лившиц), «Так было, а среди ветеринаров будет: / вам конфеты, собачекам – плети» (Бахтерев); «Да на ум меня наставил / Коновал один любезный: / Прямо к спинушке приставил / Раскалённый прут железный...» (Трефолев). В нескольких произведениях основным действием ветеринара и

коновала становится кастрация животного, являющаяся символом отъёма у здорового молодого животного жизненных сил, радости: «Тут попал он, весь пылая и дрожа, / Под огонь ветеринарного ножа, / И поднялся он, тяжел и невесом.../ Покатилось / колесо/ за колесом. / Долго плелся он с понурой головой» (Рубцов). В эпиграммах Пушкина и Вяземского потенциальным или реальным пациентом коновала – бездарного поэта или цензора – изображен Пегас – традиционный символ поэтического и вдохновения: «И право никогда искусный коновал / Излишней пылкости Пегаса не лишал» (Пушкин); «Беседы сын отважный, / Пегаса коновал, / Еров злодей присяжный, / Языков тут сказал» (Вяземский).

Человек, лечащий животных, часто изображается как неграмотный, недоученный (в таких контекстах актуализируется значение коновал – плохой врач): «Приводили местного/известного / Доктора прелестного/ Нас лечить-сучить/ Ой голова-голова / Ой ты врач-ветеран – Коновал-лепила/ – Лекарь недоделанный» (Хвостенко); «Невежда, говорящий кругло-кругло, /какое бы он кресло ни урвал,/ опасен, будто в должности хирурга / дорвавшийся до власти коновал» (Евтушенко2); «И телячий прозектор, прикармливающий зверье,/ среди мирских захребетников, списанных без аттестата» (Чухонцев). С другой стороны, в ряде произведений ветеринар предстает как человек ученый («Я пошел по ученой части, стал ветеринаром» (Чехов): ветеринария противопоставляется знахарству, вере в божью помощь: «Крестьяне, поймите мой стих простенький да от него к сердцу проведите мостики. Поймите! – во всякой болезни доктора / любого Егория полезней. / Болезням коровьим – не помощь бог. / Лучше в зубы возьми ног пару да бросайся со всех ног – к ветеринару» (Маяковский 1); «Погибает скот по нашей вине, / мор /считают/ божьей карой. / Сто кило/ на каждой свинье/ наращивайте, /ветеринары» (Маяковский 2); «Только я, знаете, сначала тоже мудровал: и ветеринаров приглашал, и знахарям чертову пропасть денег просадил...» (Салтыков-Щедрин).

Ветеринар и коновал в русской литературе часто отождествляются с животными. Так, распространен каламбур, основанный на столкновении прямого и переносного значений слова «скот»: «– Скотов лечил – скотом и подход! – проводил труп ветеринара его квартирохозяин, портной Медников» (Горький 1); «...человек он честолюбивый и глубокомысленный. Он меня, того-этого, потому и в ветеринары отдал, что скота всегда лучше чувствовал, нежели человека. Ну, и братья у меня – тоже, того-этого, сволочь удивительная!» (Андреев). Ветеринар даже физическими характеристиками может походить на животное: «И, когда против народников еретически возражал ветеринар Лавров – обладатель странного голоса, подобного гоготу гуся, – Деренков, испуганно закрывая глаза, шептал...» (Горький 1).

В некоторых контекстах подчеркивается, что именно коновал/ветеринар, а не врач, должен лечить некоторых людей: «Клит, сделавшись больным, за лекарем послал;/ Тот с сердцем отвечал: «Ведь я не коновал!» (Сумароков). В стихотворении В. Сосноры ветеринар лечит человека, обладающего внешними чертами животного: «И Куликов – император с алым лицом индюка \diamond Он возвратился из концлагерей. / Весил он 47 килограммов. / Был он встречен:/ женой, / мужем жены – ветеринаром \diamond Он был вылечен ветеринаром» (Соснора). В. Хлебников создает образ смиренного человеческого стада, которое осматривает ветеринар перед отправкой на войну: «Врачебный осмотр. / Хлопают по плечу: / «Хороший, добрый скот!» / Бодро пойдет на уру /Стадом волов, /Пойдет напролом, / Множеством пьяных голов...» (Хлебников). Во многих произведениях наименования *ветеринар*, *ветеринарный врач*, *коновал* употребляются в перечислительном ряду среди названий других родов занятий: таким способом часто создается образ шарлатана, универсального работника, готового играть нужную в данный момент роль: «...был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей» (Тургенев); «Платоник, коновал, маляр, / Статистик, журналист, бочар, / Хирургус, проповедник, физик, / Поэт, каретник, то и то, / Клим, словом, все! / И Клим – ничто!» (Жуковский). В ряде произведений существительное *коновал*

становится контекстным синонимом отрицательно окрашенных слов: «Каким, например, путем вырабатывает жизнь тюремщиков, акробатов, мозольных операторов, палачей, золотарей, собачьих цирюльников, жандармов, фокусников, проституток, банщиков, коновалов, могильщиков, педелей?» (Куприн 2); «что Антон-лекарь жидок, коновал и бог знает какой недобрый человек» (Лажечников 1).

Ветеринар обычно является фигурой провинциальной жизни и изображается в сопровождении других сельских жителей и в окружении сельскохозяйственных животных: «Он идет, шутя беспечно. / Встретится ветеринар. / Для колхозника сердечно раскрывает портсигар» (Смеляков); «Пристав с шашкою под мышкою, / Две свиньи, ветеринар» (Черный). Как и представители других сельских профессий, ветеринары и коновалы часто изображаются как пьющие, азартные люди, любящие подраться: «В буфете упиваются кавказским коньяком два акцизных надзирателя, ветеринар, помощник пристава и агроном, пьют на «ты», обнимаются, целуются мокрыми мохнатыми ртами, поливая друг другу шеи и сюртуки вином, поют вразброд “Не осенний мелкий дождичек” и при этом каждый дирижирует, а к одиннадцати часам двое из них непременно подерутся и натаaskaют друг у друга из головы кучу волос» (Куприн 3); «Намеднись с ветеринаром за картами подрались» (Достоевский).

Ветеринары и коновалы традиционно изображаются как бродяги, странники: «Что ни на есть отчаянный / Был Клим мужик: и пьяница, / И на руку нечист. / Работать не работает, / С цыганами возжаётся, / Бродяга, коновал!» (Некрасов); «Купцом, ветеринаром и аббатом / Я странствовал...» (Рождественский). Часто ветеринары и коновалы сопровождают цыган или сами являются представителями этого народа: «Он отчасти цыган, ветеринар, добывает по городу деньги за лечение лошадей» (Достоевский); «– Нет, языку этому меня цыган научил, коновал» (Горький 2). Кроме того, коновал как знахарь, ведун может быть связан с потусторонними силами: «Давно известно, что мельник и коновал ученики нечистого. Вот, например, с позволения вашего

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2022. Том 2 №1(5) 13

молвить, господин оберст-вахтмейстер, я знаю, зачем вы идёте по этой дороге со мною» (Лажечников 2).

Выделенные когнитивные признаки относятся в большей части к отрицательным характеристикам типажа ветеринарного врача и коновала и частично соотносятся с такими характеристиками образа ветеринара, обозначенными в статье О.Н. Новиковой, как жестокость, грубость, алкоголизм, профессиональная некомпетентность [10, с. 97]. Позитивные черты, характеризующие личность ветеринара, по-видимому, могли быть обнаружены в мемуарах ветеринарных врачей, а также произведениях детской литературы: на наш взгляд, и первые, и вторые должны стать объектами отдельных исследований. Так, в мемуарах повествователь и действующее лицо часто сливаются в одно целое: и поведение действующего субъекта – ветеринара – рассмотрено «изнутри». В детской же литературе ветеринар обычно описывается с точки зрения его клиента, владельца животного (часто ребенка или его родителей) и, соответственно, типаж становится близок к некому эталону ветеринарного врача. Кроме того, различие признаков, выделенных в нашей работе и исследовании О.Н. Новиковой, связано с тем, что мы использовали в качестве материала только русские произведения, тогда как в зарубежной литературе могут формироваться иные характеристики человека, лечащего животных. Безусловно, специфика рассматриваемого типажа связана не только с той или иной языковой культурой, но и с эпохой, идеологией, жанровыми особенностями произведений, самим статусом ветеринарной медицины в тот или иной временной промежуток, с индивидуально-авторскими чертами стиля, что также требует отдельного рассмотрения.

Выводы

Таким образом, можно говорить о многосторонности и даже противоречивости типажа ветеринара/коновала в русской художественной литературе, в котором соединены хладнокровный экспериментатор, равнодушный чиновник, мучитель, убийца, проводник между миром живых и мёртвых, философ, знахарь, бродяга, шарлатан, сельский житель, пьяница, а

также специалист, действующий по науке. Данные характеристики по большей части традиционно принадлежат мужчинам, и типаж ветеринара и коновала представлен в русской литературе именно лицами мужского пола. Несмотря на то что словарное значение слова *ветеринар* не содержит эксплицитных оценочных компонентов, в произведениях актуализируются такие смыслы, как несущий смерть, бездушный, мучитель. Во многих контекстах зафиксированная в словарях разница в значении слов *коновал* и *ветеринар* нивелируется, при этом типаж ветеринара включает в себя характеристики коновала. Так, и коновал, и ветеринар связаны со смертью, странствиями, бывают самоучками, имеют черты животных, пристрастны к алкоголю, их пациентами бывают люди (в этом случае актуализируется значение «плохой врач», а также «пациент – плохой человек»). С другой стороны, как лицо, обладающее ученостью, выступает именно ветеринар, а коновал чаще изображается как обманщик, шарлатан, а также как человек, близкий к природе. Кроме того, обозначение «коновал» во многих контекстах становится своеобразным штампом, стандартной отрицательной характеристикой, тогда как образ ветеринара гораздо более индивидуализирован.

© Абросимова Е.А., 2022

Список источников

1. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66-78.
2. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
3. Kintsch W. The Representation of Meaning in Memory / The experimental psychology series. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1974. 279 p.
4. Dijk Van T.A., Kintsch W Strategies of Discourse Comprehension New York: Academic Press. 1983. 423 p.
5. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. СПб, 2007. С. 22-23.
6. Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания», 2013. №1(21). С. 42-44. Электронный ресурс. Режим доступа: www.grani.vspu.ru (дата обращения 18.03.2022).
7. Малышева Е.Г. Методология лингвокогнитивного исследования дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2013. № 15. С. 139-143.

8. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С.5-25.
9. Новикова О.Н. Образ ветеринара в художественной литературе // Российский электронный научный журнал, 2014. № 1 (7). С.97-102.
10. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения 18.03.2022).
11. Картаслов.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>(дата обращения 18.03.2022).
12. Корчагин К.М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь, 2019. № 6. С. 113–127.
13. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. М.: Дрофа: Рус. яз. – Медиа, 2010. 564 с.
14. Тришин В.Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.2, 2012 (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/>(дата обращения 18.03.2022).
15. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО А ТЕМП, 2006. 944 с.
17. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Т.1. 1567 с.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: Русский язык, 1978. 699 с.
19. Ганулич А. Кто такие коновалы? // Конный мир, 2003. № 3. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://horseworld.ru/modules/AMS/article.php?storyid=80> (дата обращения 18.03.2022).

References

1. Revzina O.G. Diskurs i diskursivnye formacii [Discourse and discursive formations] // Kritika i semiotika [Criticism and semiotics], Issue. 8, Novosibirsk, 2005, pp. 66-78.
2. Fuko M. Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. St. Petersburg: Information Center «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004, 416 p.
3. Kintsch W. The Representation of Meaning in Memory. The experimental psychology series. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1974, 279 p.
4. Dijk Van T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983, 423 p.
5. Chernyavskaya V.E. Otkrytyj tekst i otkrytyj diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost' [Open text and open discourse: intertextuality – discursiveness – interdiscursiveness]. Lingvistika teksta i diskursivnyj analiz: tradicii i perspektivy: sbornik nauchnyh statej [Text linguistics and discursive analysis: traditions and perspectives: collection of scientific articles]. St. Petersburg, 2007, 22-23 pp.
6. Sinel'nikova L.N. Koncept «diskursivnaya lichnost'»: mezhdisciplinarnaya parametrizaciya [The concept of "discursive personality": interdisciplinary parametrization]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya» [Electronic Scientific and Educational Journal "Edges of Knowledge"], 2013, No. 1(21), pp. 42-44.
7. Malysheva E.G. Metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya diskursa [Linguistic and Cognitive Methodology of Discourse Study]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2013, № 15, 139-143 pp.

8. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: to the definition of the concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types] edited by V.I. Karasik. Volgograd: Paradigma, 2005, 5-25 pp.
9. Novikova O.N. *Obraz veterinara v hudozhestvennoj literature* [The image of a veterinarian in fiction]. *Rossijskij elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Russian electronic scientific journal], 2014, No.1 (7), 97-102 pp.
10. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: ruscorpora.ru (accessed 18.03.2022).
11. [Kartaslov.ru](http://kartaslov.ru). Available at: [Kartaslov.ru](http://kartaslov.ru) (accessed 18.03.2022).
12. Korchagin K.M. *Zachem nuzhen poeticheskij korpus i kak ego ispol'zovat'* [Why do we need a poetic corpus and how to use it]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2019, no. 6, 113–127 pp.
13. Aleksandrova Z.E. (Eds.) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskij spravochnik: okolo 11000 sinonimicheskikh ryadov.* [Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical guide: about 11,000 synonymic series]. 17th stereotype edition. Moscow: Drofa: Russkij yazyk-Media, 2010, 564 p.
14. Trishin V.N. *Elektronnyj slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS, versiya 8.2, 2012 (svod obshchepotrebitel'noj, special'noj i zaimstvovannoj leksiki s sinonimicheskimi ryadami)* [Electronic dictionary of synonyms in Russian language by ASIS system, version 8.2, 2012 (common, special and borrowed vocabulary with synonymic series).] Available at <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (accessed 18.03.2022).
15. Kuznetsov S.A. (Eds.) *Bolshoi tolkovyi slovar russkogo iazyka* [The large dictionary of Russian language]. Saint Petersburg: Publishing house Norint, 2000, 1536 p.
16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (Eds.) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [The dictionary of the Russian Language: 80,000 words, and phraseological expressions]. Moscow: OOO A TEMP, 2006, 944 p.
17. Ushakov D.N. (Eds.) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The dictionary of the Russian language edited by Ushakov]. Moscow: OGIz, 1935, Volume 1, 1567 p.
18. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Volume 1 Moscow: Russkij yazyk, 1978. 699 p.
19. Ganulich A. *Kto takie konovaly?* [Who are horsemen?] // *Konnyj mir* [Horse World], 2003. No. 3. Available at: <https://horseworld.ru/modules/AMS/article.php?storyid=80> (accessed 18.03.2022).

¹ Тексты произведений цитируются по Поэтическому подкорпусу Национального корпуса русского языка [8] и ресурсу Картаслов. Ру [6].

Список произведений:

- Андреев* – Андреев Л. Сашка Жегулев (1884).
Багрицкий – Багрицкий Э.Г. Весна, ветеринар и я (1930).
Бахтерев – Бахтерев И.В. Снова...» (1965).
Вяземский – Вяземский П.А. Спасителя рождением... (1814-1817).
Гейнце – Гейнце Н.Э. Аракчеев (1893).
Горький 1 – Горький М. Мои университеты (1923).
Горький 2 – Горький М. Жизнь Клима Самгина (1936).
Достоевский – Достоевский Ф.М. Записки из Мёртвого дома (1860).
Евтушенко 1 – Евтушенко Е. На смерть собаки (1969).
Евтушенко 2 – Евтушенко Е. Монолог доктора Спока (1968)
Жуковский – Жуковский В.А. «Для Клима все как дважды два!..» (1806).
Клюев – Клюев Н.А. Умерла мама – два шелестных слова.... (1916-1918).
Кривулин – Кривулин В.Б. На бойне (1993).
Куприн 1 – Куприн А.И. Яма (1915).
Куприн 2 – Куприн А.И. Поединок (1905).
Куприн 3 – Куприн А. И. Черная молния (1913).
Лажечников 1 – Лажечников И.И. Басурман (1838).

Лажечников 2 – Лажечников И.И. Последний Новик. Том 1 (1833).
Лившиц – Лившиц Б. Зачем влачат волы тяжелый груз телег? (1934).
Маяковский 1 – Маяковский В. Про Феклу, Акулину и Бога (1923).
Маяковский 2 – Маяковский В. Студенту пролетарию (1928).
Миронов – Миронов А.Н. Я ничего в себе не изменю... (1974).
Некрасов – Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо (1865-1877).
Охупкин – Охупкин О.А. Памяти моей собаки (1978)
Пушкин – Пушкин А.С. Послание цензору (1822)
Рождественский – Рождественский Вс.А. «В те времена дворянских привилегий...» (1921).
Рубцов – Рубцов Н.М. Судьба (1962-1963).
Салтыков-Щедрин – Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадур и помпадурши (1874)
Смеляков – Смеляков Я.В. Про товарища (1934).
Соснора – Соснора В.А. Каталог дня (1963-1964).
Сумароков – Сумароков П.П. «Клит, сделавшись больным, за лекарем послал...» (1790).
Трефолов – Трефолов Л.Н. Лошаденки за оврагом...» (1864).
Тургенев – Тургенев И.С., Муму (1852).
Хвостенко – Хвостенко А.Л. Симпозион (1960-1990).
Хлебников – Хлебников В.В. Берег невольников (1921).
Черный – Саша Черный. Ранним утром: «Утро. В парке – песнь кукушкина...» (1909).
Чехов – Чехов А.П. Крыжовник (1898).
Чухонцев – Чухонцев О.Г. Зоопарк при мясном комбинате (1997-2016).
Шолохов – Шолохов М. Тихий Дон (1925-1932).